

Русский исторический анекдот

от Петра I до Александра III

Составитель Ефим Курганов

Сборник

**Русский исторический анекдот:
от Петра I до Александра III**

ИЦ «Пушкинского фонда»

2017

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)1

Сборник

Русский исторический анекдот: от Петра I до Александра III /
Сборник — ИЦ «Пушкинского фонда», 2017

ISBN 978-5-9500-595-3-7

Братья Гонкуры когда-то написали, что анекдот есть мелочная лавка истории. Небольшие рассказы о забавных, неожиданных, парадоксальных случаях и происшествиях, об исторических липах или вымышленных героях издавна служат свидетельством о временах и нравах. В России анекдот как самостоятельный литературный жанр стал особенно популярен во второй половине XVIII века, а своего расцвета достиг в пушкинскую эпоху, когда сложились его законы, традиции, репертуар сюжетов. Как рассказчики и собиратели анекдотов блистали А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, Н. В. Гоголь, П. В. Кукольник и другие. В этой книге собраны анекдоты со времен Петра I до эпохи Александра III. Среди персонажей – шут Балакирев, поэты Сумароков и Ломоносов, граф Румянцев, князь Потемкин, полководец Суворов и многие другие. Тексты, которые найдет читатель, это своеобразная летопись вкусов, предубеждений и предпочтений, живая, веселая, колоритная, в лучших своих образцах доставляющая истинно эстетическое наслаждение.

УДК 882
ББК 84(2Рос=Рус)1

ISBN 978-5-9500-595-3-7

© Сборник, 2017

© ИЦ «Пушкинского фонда», 2017

Содержание

Неумирающий жанр	7
От Петра до Елизаветы	13
И. А. Балакирев	17
Ян д'Акоста	20
Антонио Педрилло	24
М. А. Голицын	28
А. П. Сумароков	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Русский исторический анекдот от Петра I до Александра III Составитель Ефим Курганов

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012–2018)»

© Курганов Е. Я., составление, вступительная статья, примечания, 2017

© Обласов В. Ю., оформление, 2017

© ООО «ИЦ Пушкинского фонда», 2017 Издательство «Пушкинского фонда» ®

Неумирающий жанр Ефим Курганов

Русский анекдот представляет собой явление крупное и самобытное. Беда лишь в том, что как жанр открытый, свободный, злободневный он целые столетия внушал опасения властям и начальствующим лицам в области культуры. Зачастую его не столько игнорировали и принижали, сколько вообще отрицали его существование, делая вид, что русского анекдота просто нет и никогда не было.

Эта пагубная инерция долго продолжала действовать. Уже во второй половине XX века (в 1984 году) великий фольклорист В. Я. Пропп в своей книге «Русская сказка» утверждал, что никакого русского анекдота нет и это всего лишь разновидность бытовой сказки.

Между тем русский анекдот – совершенно самостоятельный жанр, имеющий свои законы, особенности построения, традиции, обладающий своим репертуаром сюжетов. Его совершенно законные права на существование очень долго не решались признать по вполне понятным причинам: этот мобильный, предельно динамичный жанр внушал опасность. Время от времени отдельные тексты анекдотов печатались в составе сборников ранних русских сказок, но крайне выборочно, с исключительной осторожностью.

Даже составлять собрания анекдотов поклонники этого самобытного жанра во многом побаивались, а уж публиковать тем более. Так, например, драматург А. Н. Островский, автор пьес «Гроза», «Бесприданница» и других шедевров, долгие годы собирал анекдоты, но не мог даже и подумать, что они когда-нибудь появятся в печати. Какие-то крохи из коллекции драматурга в 1961 году были включены в состав сборника «Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века» (М.-Л, 1961).

Пример с коллекцией анекдотов А. Н. Островского далеко не случаен. Это связано с общей весьма грустной тенденцией: корпус русского народного анекдота до сих пор не собран и не систематизирован.

Однако помимо народного существовал еще и анекдот литературный, историко-биографический. Вокруг него в русской культуре второй половины XVIII – первых десятилетий XIX веков была образована богатая и разветвленная традиция.

Были созданы целые циклы текстов, возник и утвердился круг блистательных рассказчиков и остролов. При этом важно помнить, что народный анекдот принципиально анонимен, он не имеет и не может иметь авторов. Литературный же (исторический) анекдот, несмотря на устную форму бытования, практически всегда имеет авторов и располагает целыми авторскими стилями.

В 1820-1830-е годы было предпринято несколько попыток запечатлеть в письменной форме феномен русского литературного анекдота. Первым это сделал А. С. Пушкин в записках, названных им «Table-talk» («Застольные разговоры»). Это первый опыт фиксации русского литературного анекдота. Причем А. С. Пушкин, как завзятый фольклорист, после каждого анекдота указывал, от кого он был им записан.

Пушкин, как видно, готовил эту коллекцию к публикации в своем журнале «Современник», поэтому он стилизовал тексты анекдотов, сглаживал «острые углы».

Еще в 1812 году начал записывать анекдоты П. А. Вяземский, создавая попутно и портреты рассказчиков и остроловов. Через несколько десятилетий работы явилась его монументальная «Старая записная книжка». Собирая эту громадную коллекцию анекдотов, Вяземский явно имел в виду публикацию. Во всяком случае анекдоты, вошедшие в «Старую записную книжку», во многом лишены остроты и своей первозданной грубости.

Была также предпринята еще одна попытка закрепления на бумаге русского литературного, историко-биографического анекдота. Это коллекция Н. В. Кукольника, поэта, драматурга, романиста. Благодаря своим трагедиям, исполненным верноподданнического духа, он был официально признан самим императором Николаем I. Одновременно с этим Кукольник составлял коллекцию анекдотов, хотя на опубликование их никоим образом не рассчитывал, и анекдоты у него представлены в их первозданном виде: живые, точные, сочные, подчас грубоватые. Поэтому коллекция Кукольника имеет особую историко-литературную ценность. Она включена в настоящую антологию почти целиком, с отдельными купюрами во второй части.

В пушкинскую эпоху анекдот, пожалуй, пережил на русской почве высочайший свой расцвет. В самом деле, он запечатлевал целый срез дворянского быта, и при этом весьма значимый, поднимался до высокого литературного ряда (как рассказчики и собиратели анекдотов блистали А. С. Пушкин, П. А. Вяземский, Ф. И. Тютчев, Н. В. Гоголь, Н. В. Кукольник и другие), непосредственно проникал в ткань художественных текстов и, наконец, чрезвычайно ценился как особый род исторического свидетельства.

Братья Гонкуры некогда образно заметили, что анекдот есть мелочная лавка истории. Сказано очень метко.

Анекдот всегда представляет частное событие, случай (безымянен ли он или связан с известным лицом – это в общежанровом плане принципиального значения не имеет), который оказывается барометром, указывая на «температуру» общества, выступая как показатель нравов.

В анекдоте в обязательном порядке должны соединиться внешняя точность (даже доскональность) и внутренняя значительность. Это сочетание как раз и обеспечивает роль анекдота как особого рода исторического документа, открывающего важное через мелкое, тенденцию – через деталь. В крупной идеологической конструкции, отличающейся внешними масштабами, в парадном портрете, поражающем великолепием, анекдот чувствует себя не очень уютно – он там часто неуместен. Но если важно показать жизнь общества изнутри, если необходимо высветить бытующие в нем привычки, представления, вкусы, а также скрытые стремления, то тут-то и не обойтись без анекдота, тут-то он и выступает на правах исторического свидетельства.

Причем и в фольклорном, и в литературном, историко-биографическом анекдоте на самом деле совершенно не важно, произошло ли в действительности то, о чем повествуется: не важно, что так *было*, а важно, что так *могло быть*.

Анекдот в первую очередь представляет интерес как живая, колоритная подробность, как показатель того, о чем же судачат в салоне, в дружеском кружке, на улице.

Можно ли полностью доверять анекдоту? Этому коварному жанру ни в коей степени не следует доверяться и принимать его порождения за чистую монету. Ценность анекдота в другом: он совершенно незаменимый помощник в том, чтобы воссоздать картину нравов – живую, искрометную, убедительную. Тут-то анекдот и получает права исторического свидетельства, своего рода документа и становится актуальным и даже незаменимым.

Встраиваясь в картину нравов, анекдот по-особому освещает ее, но и сам при этом начинает выглядеть чрезвычайно живо, убедительно, колоритно; иными словами, Он оживляет и одновременно оживает сам. Причем особенно важен анекдот при построении биографии.

Конечно, существуют биографии (в особенности официальные или героизированные), которые вполне могут обойтись без присутствия анекдота. Однако еще со времен античности (Плутарх, Диоген Лаэртий Светоний) анекдот стал подлинным украшением биографии, ее необходимым компонентом. Он являлся своего рода голограммой, ибо способствовал тому, дабы воссоздаваемую личность можно было предельно емко, выразительно, непосредственно ощутить как живую.

В России подробное знакомство с культурой анекдота произошло еще в XVII столетии. Тогда, в основном через польское посредничество, появились многочисленные рукописные сборнички так называемых *фацей* (это разного рода истории, подчас забавные) из жизни греческих философов и римских императоров. Затем появились сборники апофегм – образцы все той же западной литературы анекдотического содержания, чуть более значительно переработанные, но подлинной самобытности там еще было мало.

Анекдот как самостоятельный литературный жанр стал утверждаться в России во второй половине XVIII века по модели французской рафинированной культуры. Переломным моментом стали эрмитажные собрания у императрицы Екатерины II, на которых появился и стал блистать обер-шталмейстер двора Лев Александрович Нарышкин. Этот знатный вельможа и одновременно простонародный балагур создал настоящую культуру анекдота. Он стал рассказчиком высочайшего класса (его устные новеллы представлены в настоящей коллекции). Собственно, с нарышкинских рассказов и острот и берет начало оригинальная русская анекдотическая традиция.

Однако настоящий расцвет жанра, его подлинный апогей пришелся, как уже говорилось, на пушкинскую эпоху. Для этого были свои причины.

Именно к середине 1820-х – началу 1830-х годов жанр русского анекдота, можно сказать, окончательно сложился, определились, выкристаллизовались его внутренние законы и тенденции, установился репертуар сюжетов, круг и основные типы рассказчиков. Кроме того, в пушкинскую эпоху анекдот уже не просто стал реальным и полноправным участником литературного процесса, но и начал осмысляться как достаточно важный и ценный фактор отечественной культуры, который в силу устного характера своего бытования может забыться и исчезнуть. Иначе говоря, явственно стала обозначаться тенденция к сохранению жанра в национальной памяти. Происходило это, однако, при обстоятельствах достаточно драматичных.

После разгрома восстания декабристов русское дворянство потеряло свое прежнее влияние, что вызвало приток новых общественных сил (П. А. Вяземский назвал их «наемной сволочью»). Дворянской культуре, занимавшей до того главенствующее место в русской жизни, пришлось потесниться. Это неизбежно отразилось и на неписаных законах общественного поведения. Воспитывавшаяся на протяжении нескольких поколений культура общения перестала быть определяющей нормой. И, как прямое следствие этого, стал уходить в бытовую повседневность и анекдот, довольно быстро потеряв ореол литературного жанра, к которому неизменно обращались русские писатели. Тогда-то под анекдотом и начали понимать нечто легковесное, несерьезное, малозначащее. Именно в ходе острого осознания того, что жанр уходит, выдыхается, что блистательные его традиции меркнут, и были предприняты две фундаментальные попытки по спасению жанра: упомянутые выше «*Table-talk*» А. С. Пушкина и «*Старая записная книжка*» П. А. Вяземского. Показательно, что появились они в ходе острой и непримиримой борьбы с так называемым «торговым направлением» в литературе, в процессе отстаивания лучших ценностей, созданных дворянской культурой. В круг этих ценностей и А. С. Пушкин, и П. А. Вяземский включали не только создания архитектуры, музыки, литературы, но и совершенно особую сферу – устную словесную культуру, одним из ведущих жанров которой как раз и был анекдот.

Какой же смысл вкладывали в него люди пушкинской эпохи? На этот совершенно естественный вопрос дать краткий, исчерпывающий ответ, к сожалению, почти невозможно.

Под анекдотами тоща понимали и исторические труды, и литературные портреты, апологи, «невыдуманные повести», «истинные происшествия». И все-таки можно определить ряд свойств, необходимых для существования жанра: это требование неизвестности, неизданности, новизны (новости). Отвлекаясь от частных случаев, можно сказать, что в основе анекдота неизменно должен лежать необычный случай, невероятное реальное происшествие.

В «Частной риторике» Н. Ф. Кошанского весьма точно было подмечено: «Цель его <анекдота>: объяснить характер, показать черту какой-нибудь добродетели (иногда порока), сообщить любопытный случай, происшествие, новость...»¹

Понимание новости, неожиданности, невероятности как ведущих черт анекдота органично входит и в определение, данное в «Энциклопедическом лексиконе» А. Плюшара (статья А. Никитенко): «...краткий рассказ какого-нибудь происшествия, замечательного по своей необычности, новости или неожиданности...»²

Выделив неожиданность, даже невероятность случая, лежащего в основе анекдота, А. Никитенко подчеркивает: «Главнейшие черты хорошо рассказанного анекдота суть краткость, легкость и искусство сберечь силу или основную идею его к концу и заключить оный чем-нибудь разительным и неожиданным»³.

Попробуем немного раскрыть и развернуть это крайне сжатое определение. Итак, в центре анекдота находится странное, неожиданное, откровенно нелепое событие, выпадающее из повседневного течения жизни. Причем его нелепость только нарастает и разрешается лишь в бурном, остром финале. Более того, анекдот строится не просто на невероятном событии, а на событии, принципиально не совпадающем с читательскими или слушательскими ожиданиями.

Иначе говоря, внутреннее противоречие, несовпадение прогноза с результатом, преподнесение «небывальщины» как самой очевидной реальности и определяют в главном суть той эстетической игры, на которой как раз и строится анекдот. Причем подача художественного вымысла или во всяком случае события достаточно невероятного не просто «работает» под: действительность, ибо необычность и нелепость не скрыты, не затушеваны, а подчеркнуты, выделены. Это и есть то главное, что определяет феномен анекдота. Хотя сфера бытования жанра устная, анекдот тем не менее представляет собой «особый вид словесного искусства» (Л. П. Гроссман). Он несомненно литературен. Жанр демонстративно «играет» под действительность, ибо на самом деле тексты, создающиеся по канонам анекдота, ни в коей мере не могут быть с этой действительностью отождествлены. Как точно подметил в свое время В. Э. Вацуро⁴, в анекдоте главный интерес переносится с фактической на психологическую достоверность события.

Но анекдот – это не только и не просто игра. Он важен и интересен как своеобразная летопись вкусов, предубеждений и предпочтений, живая, необычайно колоритная, психологически достоверная, в лучших своих образцах доставляющая чисто эстетическое наслаждение.

Выше уже говорилось о роли финала в анекдоте, то есть о том, что принято называть его пуантом или острием. Однако финал анекдота часто не просто не геожида пен, но во многом и непредсказуем и зачастую даже как бы отделен от основного текста, не вытекает из него, противоречит ему, изнутри взрывая повествование, заставляя его играть и искриться.

Так, в устной новелле знаменитого рассказчика пушкинского времени Дмитрия Цицианова прозвищу «русский Мюнхгаузен»⁵ (наиболее полная сводка его анекдотов представлена в настоящей антологии) об огромных пчелах – размером с воробья, живущих в обыкновенных ульях, – финальная реплика («У нас в Грузии отговорок нет: ХОТЬ ТРЕСНИ, ДА ПОЛЕЗАЙ!») фактически не разрешает основное развитие действия, а спорит с ним, переворачивает его,

¹ Кошанский К. Ф. Частная риторика. СПб., 1832. С. 65–66.

² Никитенко А. Анекдот // Энциклопедический лексикон. СПб., 1835. Т. 2. С. 303.

³ Там же.

⁴ Новонайденный автограф Пушкина. Заметки на рукописи книги П. А. Вяземского «Биографические и литературные записки о Денисе Ивановиче Фонвизине. Подгот. текста, статья и коммент. В. Э. Вацуро и М. И. Гиллельсона. М.-Л., 1968. С. 72.

⁵ См.: Курганов Е. «Русский Мюнхгаузен». Реконструкция одной книги, которая была в свое время создана, но так и не была записана. М., 2017. С. 221.

кардинально смещает акценты. И только тогда рассказ и обретает истинную остроту, вырастает из рядового случая похвалы и чисто бытового эпизода в подлинно художественный текст.

Именно заключительная реплика цициановского «остроумного вымысла» (формулировка А. С. Пушкина) до конца убеждает, что рассказчик, говоря о диковинных пчелах, отнюдь не стремится ввести слушателей в заблуждение. Он играет, импровизирует, творит, хочет изумить, озадачить, имея целью произвести чисто эстетический эффект. Именно совершенно неожиданный финал по-новому освещает весь текст.

П. А. Вяземский однажды сказал, что француз, разрушая политические институты, не забудет остроумных слов, сказанных сто лет назад, даже если они принадлежат заклеянным аристократам. Это был укор многим его современникам, которые, ниспровергая дворянскую империю, заодно отрицали всю дворянскую культуру, и в частности культуру общения. Укор П. А. Вяземского и для нас должен явиться явным предостережением.

Анекдоты пушкинского времени и последующих эпох щедро, хотя и неравномерно рассыпаны по многочисленным и далеко не всегда опубликованным мемуарам, записным книжкам, дневникам, письмам, альбомам. С тех времен традиция собирания анекдотов на значительное время была прервана, и теперь этот некогда столь бурно искрившийся мир надо воссоздавать буквально по крупичкам, по осколкам. В процессе собирания настоящей коллекции было освоено около 170 источников. Нынешняя антология представляет собой расширенное и дополненное переиздание сборника «Русский литературный анекдот конца XVIII – начала XIX века», который был опубликован в 1990 году в издательстве «Художественная литература» с нашим кратким предисловием; составление и примечания Е. Курганова и Н. Охотина (в 2003 году в издательстве «Материк» вышло 2-е издание). Но это только начало восстановительных работ. Наследие старинных русских рассказчиков и острословов не должно быть забыто.

Исторический анекдот – не просто часть русской культуры. Без анекдотов XVIII и XIX столетий невозможно в полной мере оценить и современность. Биографическая мелочь, этюд, выразительная деталь быта, психологическая характеристика, портрет исторической личности, представленной не в парадном мундире, а в халате, – из этих как будто незначительных и явно внелитературных форм вырос особый жанр, и вырос он в ходе противопоставления большим официальным формам.

Может быть, именно поэтому анекдот всегда выполнял и выполняет до сих пор функцию дегероизации личности или того или иного исторического события. Анекдот раздевает реальность от оков общественных условностей.

Отталкивание от внешне грандиозных и во многом искусственных построений вывело в центр и сделало полноценным и востребованным жанром острый, резкий штрих, нелепый случай, невероятное реальное происшествие – то, что позже кристаллизовалось и оформилось в анекдоте.

Точно так же и в XX веке неприятие советского официоза, потребность в дегероизации необычайно повысили художественный статус анекдота, мощно активизировали его творческий потенциал. Так, именно анекдот стал главным, определяющим материалом при оформлении художественного мира Сергея Довлатова. И именно анекдот историко-биографический, анекдот в пушкинском его понимании, и лег в основу «Соло на ундервуде» и «Соло на IBM»⁶. Эти тексты самым непосредственным образом восходят к «Table-talk» А. С. Пушкина и к «Старой записной книжке» П. А. Вяземского.

Анекдот для андерграунда оказался просто необходим. Понадобилось буквально всё: его жанровая специфика, его традиции, его склонность к обнажению, к раздеванию реальности, к решительному соскабливанию с действительности слоев внешнего формального этикета.

⁶ См.: Курганов Е. Сергей Довлатов и линия анекдота в русской прозе // Довлатов С. Последняя книга. СПб., 2011.

Анекдот в эстетическом подполье легко и органично, ничуть не изменяя себе, стал обвинительным документом, убедительным свидетельством аномальности мира.

Как в XVII–XVIII веках во Франции, как в России в пушкинское время, так и теперь анекдот не просто эксплуатируется в качестве удобной формы, а является носителем историсофской концепции, служит особым способом восприятия реальности.

Да, анекдот – мелочь, но мелочь крайне забавная, выразительная и чрезвычайно показательная. Он соединяет поколения, сцепляет разные эпохи, как, например, острый и яркий текст, записанный Нестором Кукольниковым:

«Незабвенный Мордвинов, русский Вашингтон, измученный бесполезной оппозицией, вернулся из Государственного совета недовольный и расстроенный.

– Верно, сегодня у вас опять был жаркий спор?

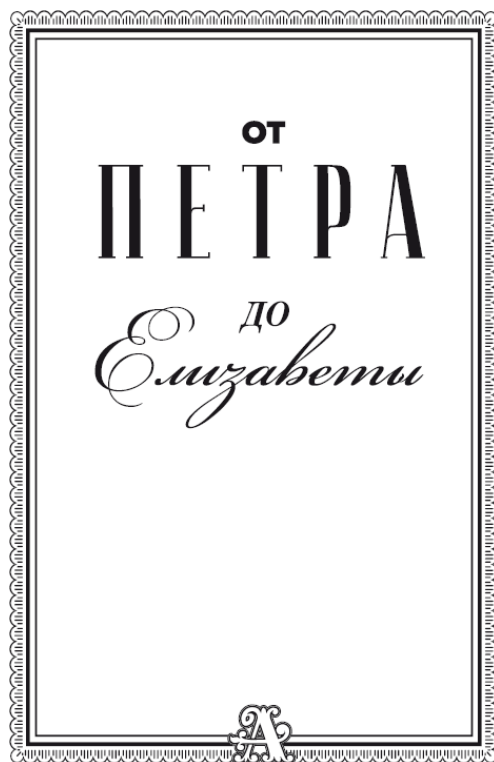
– Жаркий и жалкий! У нас решительно нет ничего святого. Мы удивляемся, что у нас нет предприимчивых людей, но кто же решится на какое-нибудь предприятие, когда не видит ни в чем прочного ручательства, когда знает, что не сегодня, так завтра по распоряжению правительства его законно ограбят и пустят по миру. Можно принять меры противу голода, наводнения, про шву огня, моровой язвы, про шву всяких бичей земных и небесных, но противу благодетельных распоряжений правительства – решительно нельзя принять никаких мер».

Анекдот – поистине неумирающий жанр, жанр, постоянно возрождающийся из пепла, дабы не прерывалась связь времен.

В настоящем сборнике сведены вместе тексты одной только жанровой разновидности, которую можно назвать «историко-биографический анекдот». Цель такого отбора – дать читателю наряду с представлением о жанре представление о той или иной эпохе, о той или иной исторической личности. При этом мы старались отбирать такие анекдоты, которые вместе с конкретными (правда, далеко не всегда достоверными) историческими и биографическими подробностями содержат некую остроту, пуант, придающие рассказу литературную завершенность. Естественно, при размытости понятия о «смешном» в сборник попали и собственно анекдоты, и рассказы о забавных ситуациях, и *bon mots* (то есть своего рода «прото-тексты», из которых в процессе их распространения могли родиться жанрово чистые тексты). Весь корпус вполне условно разделен на несколько хронологических циклов, внутри которых дополнительно выделяются отделы, посвященные наиболее популярным рассказчикам или героям анекдотических историй.

Тексты анекдотов – жанра, в высшей степени обладающего свойством анонимности, – часто даются нами во «вторичных» вариантах, отражающих не изначальную, а скорее конечную, полученную в результате длительного бытования форму. В ряде случаев приводятся варианты одного и того же сюжета. Краткая ссылка на источник дается в конце каждого фрагмента: первая цифра обозначает номер источника в Списке источников, вторая – страницу соответствующей публикации. Исчерпывающий комментарий, немыслимый в издании данного типа, заменен аннотированным Словарем имен, в котором отражены сведения, помогающие понять исторический контекст анекдотических рассказов и происшествий.

От Петра до Елизаветы

Государь <Петр I>, заседая однажды в Сенате и слушая дела о различных воровствах, за несколько дней до того случившихся, в гнев своем клялся пресечь оные и тотчас сказал тогдашнему генерал-прокурору Павлу Ивановичу Ягужи некому: «Сейчас напиши от моего имени указ во все государство такого содержания: что если кто и на столько украдет, что можно купить веревку, тот, без дальнейшего следствия, повешен будет». Генерал-прокурор, выслушав строгое повеление, взялся было уже за перо, но, несколько поудержавшись, отвечал монарху: «Подумайте, Ваше Величество, какие следствия будет иметь такой указ» – «Пиши, – прервал государь, – что я тебе приказал». – Ягужинский все еще не писал и наконец с улыбкою сказал монарху: «Всемиловитейший государь! Неужели ты хочешь остаться императором один, без служителей и подданных? Все мы ворует, с тем только различием, что один более и приметнее, нежели другой». Государь, погруженный в свои мысли, услышав такой забавный ответ, рассмеялся и замолчал. [13, с. 568.]

Привезли Петру Алексеевичу стальные русские изделия; показывал их после обеда гостям и хвалил отделку: не хуже-де английской. Другие вторили ему, а Головин-Бас, тот, что в Париже дивился, как там и ребятишки на улицах болтали по-французски, посмотрел на изделия, покачал головою и сказал: «Хуже!» Петр Алексеевич хотел переуверить его; тот на своем стоял. Вышел из терпения Петр Алексеевич, схватил его за затылок и, приговаривая три раза «не хуже», дал ему в спину инструментом три добрых щелчка, а Бас три же раза твердил свое «хуже». С тем и разошлись. [80, с. 47.]

Один монах у архиерея, подавая водку Петру I, споткнулся и его облил, но не потерял рассудка и сказал: «На кого капля, а на тебя, государь, излился вся благодать». [111, с. 687.]

Шереметев под Ригою захотел поохотиться. Был тогда в нашей Службе какой-то принц с поморья – говорили, из Мекленбургии. Петр Алексеевич ласкал его. Поехал и он за фельд-маршалом <Б. П. Шереметевым>. Пока дошли до зверя, принц расспрашивал Шереметева О Мальте; как же не отвязывался и хотел знать, не ездил ли он еще куда из Мальты, то Шереметев провел его кругом всего света: вздумалось-де ему объехать уже всю Европу, взглянуть и на Царьград, и в Египте пожариться, посмотреть и на Америку. Румянцев, Ушаков, принц, обыкновенная беседа государева, воротились к обеду. За столом принц не мог довольно надивиться, как фельдмаршал успел объехать столько земель. «Да, я посылал его в Мальту». – «А оттуда где он не был!» И рассказал все его путешествие. Молчал Петр Алексеевич, а после стола, уходя отдохнуть, велел Румянцеву и Ушакову остаться; отдавая потом им вопросные пункты, приказал взять по ним ответ от фельдмаршала, между прочим: от кого он имел отпуск в Царьград, в Египет, в Америку? Нашли его в пылу рассказа о собаках и зайцах. «И шутка не в шутку; сам иду с повинною головою», – сказал Шереметев. Когда же Петр Алексеевич стал журить его за то, что так дурачил иностранного принца, – «Детина-то он больно плоховатый, – отвечал Шереметев. – Некуда было бежать от опросов. Так слушай же, подумал я, а он и уши развесил». [80, с. 50–52.]

Бирон, как известно, был большой охотник до лошадей. Граф Остейн, венский министр при петербургском дворе, сказал о нем: «Он о лошадях говорит как человек, а о людях – как лошадь». [32, с. 55.]

Во время коронации Анны Иоанновны, когда государыня из Успенского собора принта в Грановитую палату, которой внутренность старец описал с удивительною точностию, и поместилась на троне, вся свита установилась на свои места, то вдруг государыня встала и с важностию сошла со Ступеней трона. Все изумились, в церемониале этого указано не было. Она прямо подошла к князю Василию Лукичу Долгорукову, взяла его за нос – «Нос был большой, батюшка», – пояснил старец, – и повела его около среднего столба, которым поддерживаются своды. Обведя кругом и о становясь против портрета Грозного, она спросила:

- Князь Василий Лукич, ты знаешь, чей это портрет?
- Знаю, матушка государыня!
- Чей он?
- Царя Ивана Васильевича, матушка.

– Ну так знай же и то, что хотя баба, да такая же буду, как он: вас семеро дураков собралось водить меня за нос, я тебя прежде провела, убирайся сейчас в свою деревню, и чтоб духом твоим не пахло! [163, с. 101–102,]

«Государыня <Елизавета Петровна>, – сказал он Генерал-полицмейстер А. Д. Татищев> придворным, съехавшимся во дворец, – чрезвычайно огорчена донесениями, которые получает из внутренних губерний о многих побегах преступников. Она велела мне изыскать средство к пресечению сего зла: средство это у меня в кармане». – «Какое?» – спросили его. «Вот оно», – отвечал Татищев, вынимая новые знаки для клеймения. «Теперь, – продолжал он, если преступники и будут бегать, так легко их ловить». – «Но, – возразил ему один присутствовавший, – бывают случаи, когда иногда невинный получает тяжкое наказание и потом невинность его обнаруживается: каким образом избавите вы его от поносительных знаков?» – «Весьма удобным, – отвечал Татищев с улыбкою, – стоит только к словам „вор“ прибавить еще на лице две литеры „не“». Тогда новые стемпели были разосланы по империи... [13, с. 397–398.]

Князь Никита <Трубецкой> был с грехом пополам. Лопухиным, мужу и жене, урезали языки и в Сибирь сослали их по его милости; а когда воротили их из ссылки, то он из первых прибежал к немym с поздравлением о возвращении. По его же милости и Апраксина, фельд-маршала, паралич разбил. В Семилетнюю войну и он был главнокомандующим, Оттуда (за что, то их дело) перевезли его в подзорный дворец, что у Трех Рук, и там был над ним кригсрат, а презусом в нем князь Никита. Содержался он под присмотром капрала. Елизавета Петровна (такая добрая, что однажды, завидев гурт быков и на спрос, куда гнали, услышав, что гнали на бойню, велела воротить его на царскосельские свои луга, а деньги за весь гурт выдала из Кабинета), едучи в Петербург, заметила как-то Апраксина на крыльце подзорного и приказала немедля кончить его дело, и если не окажется ничего нового, то объявить ему тотчас и без доклада ей монаршую милость. Презус надомнил ассессоров, что когда на допросе он скажет им «приступить к последнему», то это и будет значить объявить монаршую милость. «Что ж, господа, приступить бы к последнему?» Старик от этого слова затрясся, подумал, что станут пытаться его, и скоро умер. [80, с. 57–59.]

Шувалов, заспорив однажды с Ломоносовым, сказал сердито: «Мы отставим тебя от Академии». – «Нет, – возразил великий человек, – разве Академию отставите от меня». [97, с. 67.]

Действительный тайный советник князь Иван Васильевич Одоевский, любимец Елизаветы, почитался в числе первейших лжецов. Остроумный сын его, Николай Иванович (умер

в 1798 г.), шутя говорил, что отец его на исповеди отвечал: «И на тех лгах, иже аз не знах».
[111, с. 695.]

И. А. Балакирев

Остроумный Балакирев, поражая бояр и чиновников насмешками и проказами, нередко осмеливался и государю делать сильные замечания и останавливать его в излишествах хитрыми выдумками, за что часто подвергался его гневу и собственной своей ссылке, но по своей к нему преданности не щадил самого себя.

Однажды случилось ему везти государя в одноколке. Вдруг лошадь остановилась посреди лужи для известной надобности. Шут, недовольный остановкою, ударил ее и примолвил, искоса поглядывая на соседа: «Точь-в-точь Петр Алексеевич!» – «Кто?» – спросил государь. «Да эта кляча», – отвечал хладнокровно Балакирев. «Почему так?» – закричал Петр, вспыхнув от гнева. – «Да так... Мало ли в этой луже дряни; а она все еще подбавляет ее; мало ли у Данилыча всякого богатства, а ты все еще пичкаешь», – сказал Балакирев. [94, с. 20.]

Однажды государь спорил о чем-то несправедливо и потребовал мнения Балакирева; он дал резкий и грубый ответ, за что Петр приказал его посадить на гауптвахту, но, узнавши потом, что Балакирев сделал справедливый, хотя грубый, ответ, приказал немедленно его освободить. После того государь обратился опять к Балакиреву, требуя его мнения о другом деле. Балакирев вместо ответа, обратившись к стоявшим подле него государевым пажам, сказал им: «Голубчики мои, ведите меня поскорее на гауптвахту». [94, с. 21.]

– Знаешь ли ты, Алексеич, – сказал однажды Балакирев государю при многих чиновниках, – какая разница между колесом и стряпчим, то есть вечным приказным?

– Большая разница, – сказал, засмеявшись государь, – но ежели ты знаешь какую-нибудь особенную, так скажи, и я буду ее знать.

– А вот видишь какая: одно криво, а другое кругло, однако это не диво; а то диво, что они, как два братца родные, друг на друга ходят.

– Ты заврался, Балакирев, – сказал государь, – никакого сходства между стряпчим и колесом быть не может.

– Есть, дядюшка, да и самое большое.

– Какое же это?

– И то и другое надобно почаще смазывать... [92, с. 40.]

Один из камергеров был очень близорук и всячески старался скрывать этот недостаток. Балакирев беспрестанно трунил над ним, за что однажды получил пощечину и решился непременно отплатить за обиду.

Однажды во время вечерней прогулки императрицы по набережной Фонтанки Балакирев увидел на противоположном берегу, в окне одного дома, белого пуделя,

– Видите ли вы, господин камергер, этот дом? – спросил Балакирев.

– Вижу, – отвечал камергер.

– А видите ли открытое окно на втором этаже?

– Вижу.

– Но подержу пари, что вы не видите женщины, сидящей у окна, в белом платке на шее.

– Нет, вижу, – возразил камергер.

Всеобщий хохот удовлетворил мнение Балакирева. [92, с. 81.]

В одну из ассамблей Балакирев наговорил много лишнего, хотя и справедливого. Государь, желая остановить его и вместе с тем наградить, приказал, как бы в наказание, по установленному порядку ассамблей подать кубок большого орла.

– Помилуй, государь! – вскричал Балакирев, упав на колена.

– Пей, говорят тебе! – сказал Петр как бы с гневом.

Балакирев выпил и, стоя на коленях, сказал умоляющим голосом:

– Великий государь! Чувствую вину свою, чувствую милостивое твое наказание, но знаю, что заслуживаю двойного, нежели то, которое перенес. Совесть меня мучит! Повели подать другого орла, да побольше; а то хоть и такую парочку! [92, с. 58.]

По окончании с Персией) войны многие из придворных, желая посмеяться над Балакиревым, спрашивали его: что он там видел, с кем знаком и чем он там занимался. Шут все отмалчивался. Вот однажды в присутствии государя и многих вельмож один из придворных спросил его: «Да знаешь ли ты, какой у персиян язык?»

– И очень знаю, – отвечал Балакирев.

Все вельможи удивились. Даже и государь изумился. Но Балакирев то и твердит, что «знаю».

– Ну а какой же он? – спросил шутя Меншиков.

– Да такой красной, как и у тебя, Алексаша, – отвечал шут.

Вельможи все засмеялись, и Балакирев был доволен тем, что верх остался на его стороне. [93, с. 41–42.]

Один придворный спросил Балакирева:

– Не знаешь ли ты, отчего у меня болят зубы?

– Оттого, – отвечал шут, – что ты их беспрестанно колотишь языком.

Придворный был точно страшный говорун и должен перенести насмешку Балакирева без возражений. [93, с. 46.]

Некогда одна бедная вдова заслуженного чиновника долгое время ходила в Сенат с прошением о пансионе за службу ее мужа, но ей отказывали известной поговоркой: «Приди, матушка, завтра». Наконец она прибегнула к Балакиреву, и тот взялся ей помочь.

На другой день, нарядив ее в черное платье и наклепив на оное бумажные билетцы с надписью «приди завтра», в сем наряде поставил ее в проходе, где должно проходить государю. И вот приезжает Петр Великий, всходит на крыльцо, видит сию женщину, спрашивает: «Что это значит?» Балакирев отвечал: «Завтра узнаешь, Алексеевич, об этом!»— «Сей час хочу!» — вскричал Петр. «Да ведь мало ли мы хотим, да не все так делается, а ты взойди прежде в присутствие и спроси секретаря; коли он не скажет тебе „завтра“, как ты тотчас же узнаешь, что это значит Петр, сметав сие дело, взошел в Сенат и грозно спросил секретаря: «Об чем просит та женщина?» Тот побледнел и сознался, что она давно уже ходит, но что «не было времени доложить Вашему Величеству».

Петр приказал, чтобы тотчас исполнили ее просьбу, и долго после сего не было слышно «приди завтра». [93, с. 46–48.]

«Точно ли говорят при дворе, что ты дурак?» — спросил некто Балакирева, желая ввести его в замешательство и тем пристыдить при многих особах. Но он отвечал: «Не верь им, любезный, они ошибаются, только людей морочат, да мало ли, что они говорят? Они и тебя называют умным; не верь им, пожалуйста, не верь». [93, с. 24.]

Петр I спросил у шута Балакирева о народной молве насчет новой столицы Санкт-Петербурга.

— Царь-государь! — отвечал Балакирев. — Народ говорит: с одной стороны море, с другой — горе, с третьей — мох, а с четвертой — ох!

Петр, распалясь гневом, закричал: «Ложись!» — и несколько раз ударил его дубиной, приговаривая сказанные им слова. [111, с. 686.]

Ян д'Акоста

Один молодец, женись на дочери Д'Акосты, нашел ее весьма непостоянною и, узнав то, всячески старался ее исправить. Но, усмотрев в том худой успех, жаловался ее отцу, намекая, что хочет развестись с женой, Д'Акоста, в утешение зятю, сказал: «Должно тебе, друг, терпеть. Ибо мать ее была такова же; и я также не мог найти никакого средства; да после, на 60-м году, сама исправилась. И так думаю, что и дочь ее в таких летах будет честною, и рекомендую тебе в том быть благонадежную [92, с. 99.]

Д'Акоста, будучи в церкви, купил две свечи, из которых одну поставил перед образом Михаила-архангела, а другую, ошибкой, перед демоном, изображенным под стопами архангела.

Дьячок, увидя это, сказал Д'Акосте:

– Ах, сударь! Что вы делаете? Ведь эту свечку ставите вы дьяволу!

– Не замай, – ответил Д'Акоста, – не худо иметь друзей везде: в раю и в аду. Не знаем ведь, где будем. [92, с. 101.]

Известный силач весьма осердился за грубое слово, сказанное ему Д'Акостою.

«Удивляюсь, – сказал шут, – как ты, будучи в состоянии подымать одною рукою до шести пудов и переносить такую тяжесть через весь Летний сад, не можешь перенести одного тяжелого слова!» [92, с. 102.]

Когда Д'Акоста отправлялся из Португалии морем в Россию, один из провожавших его знакомцев сказал:

– Как не боишься ты садиться на корабль, зная, что твой отец, дед и прадед погибли в море!

– А твои предки каким образом умерли? – спросил в свою очередь Д'Акоста.

– Преставились блаженною кончиною на своих постелях.

– Так как же ты, друг мой, не боишься еженощно ложиться в постель? – возразил Д'Акоста. [92, с. 103.]

На Одной вечеринке, где присутствовал и Д'Акоста, все гости слушали музыканта, которого обещали наградить за его труд. Когда дело дошло до расплаты, один Д'Акоста, известный своею скупостью, ничего не дал. Музыкант громко на это жаловался.

«Мы с тобой квиты, – отвечал шут, – ибо ты утешал мой слух приятными звуками, а я твой – приятными же обещаниями». [92, 104.]

Контр-адмирал Вильбоа, эскадр-майор его величества Петра I, спросил однажды Д'Акосту:

– Ты, шут, человек на море бывалый. А знаешь ли, какое судно безопаснейшее?

– То, – отвечал шут, – которое стоит в гавани и назначено на сломку. [92, с. 111.]

Д'Акоста, человек весьма начитанный, очень любил книги. Жена его, жившая с мужем не совсем ладно, в одну из минут нежности сказала:

– Ах, друг мой, как желала бы я сама сделаться книгою, чтоб быть предметом твоей страсти!

– В таком случае я хотел бы иметь тебя календарем, который можно менять ежегодно, – отвечал шут. [92, с. 114.]

Имея с кем-то тяжбу, Д'Акоста часто прихаживал в одну из коллегий, где наконец судья сказал ему однажды:

– Из твоего дела я, признаться, не вижу хорошего для тебя конца. – Так вот вам, сударь, хорошие очки, – отвечал шут, вынув из кармана и подав судье пару червонцев. [92, с. 116.]

Другой судья, узнав об этом и желая себе того же, спросил однажды Д'Акосту:

– Не снабдите ли вы и меня очками?

Но как он был весьма курнос и дело Д'Акосты было не у него, то шут сказал ему:

– Прежде попросите, сударь, чтоб кто-нибудь ссудил вас порядочным носом. [92, с. 116.]

Сказывают, что гоф-хирург Лесток имел привычку часто повторять поговорку «благодаря Бога и вас». Д'Акоста, ненавидевший Лестока за его шашни с женой и дочерьми его, Д'Акосты, однажды, в большой компании, на вопрос Лестока: «Сколько у такого-то господина детей?» – Отвечал ему громко: «Пятеро, благодаря Бога и вас». [92, с. 117.]

Князь Меншиков, рассердясь за что-то на Д'Акосту, крикнул:

– Я тебя до смерти прибую, негодный!

Испуганный шут со всех ног бросился бежать и, прибежав к государю, жаловался на князя.

– Ежели он тебя доподлинно убьет, – улыбаясь говорил государь, – то я велю его повесить.

– Я того не хочу, – возразил шут, – но желаю, чтоб Ваше Царское Величество повелели его повесить прежде, пока я жив. [92, с. 120.]

Жена Д'Акосты была очень малого роста, и когда шута спрашивали, зачем он, будучи человек разумный, взял за себя почти карлицу, то он отвечал:

– Признав нужным жениться, я заборорассудил выбрать из зол по крайней мере меньшее. [92, с. 121.]

Несмотря на свой малый рост, женщина эта была сварливого характера и весьма зла. Однако Д'Акоста прожил с нею более двадцати пяти лет. Приятели его, когда исполнился этот срок, просили его праздновать серебряную свадьбу.

– Подождите, братцы, еще пять лет, – отвечал Д'Акоста, – тогда будем праздновать тридцатилетнюю войну. [92, с. 121.]

В царствование Петра посетил какой-то чужестранец новопостроенный Петербург. Государь принял его ласково, и вследствие того все вельможи взапуски приглашали к себе заезжего гостя, кто на обед, кто на ассамблею.

Чужестранец этот между прочим рассказывал, что он беспрестанно ездит по чужим землям и только изредка заглядывает в свою.

– Для чего же ведете вы такую странническую жизнь? – спрашивали его другие.

– И буду вести ее, буду странствовать до тех пор, пока найду такую землю, где власть находится в руках честных людей и заслуги вознаграждаются.

– Ну, батюшка, – возразил Д'Акоста, случившийся тут же, – в таком случае вам наверное придется умереть в дороге. [92, с. 121–122.]

Д'Акоста, несмотря на свою скупость, был много должен и, лежа на смертном одре, сказал духовнику:

– Прошу Бога продлить мою жизнь хоть на то время, пока выплачу долги.

Духовник, принимая это за правду, отвечал:

– Желание зело похвальное. Надейся, что Господь его услышит и авось-либо исполнит.

– Ежели б Господь и впрямь явил такую милость, – шепнул Д'Акоста одному из находившихся тут же своих друзей, – то я бы никогда не умер. [92, с. 124–125.]

Антонио Педрилло

Однажды Педрилло был поколочен кадетами Сухопутного Шляхетного корпуса. Явившись с жалобой к директору этого корпуса барону Люберасу Педрилло сказал ему:

– Ваше Превосходительство! Меня обидели бездельники из этого дома, а ты, творишь, у них главный. Защити же и помилуй! [92, с. 138.]

Педрилло дал пощечину одному истопнику, и за это был приговорен к штрафу в три целковых.

Бросив на стол вместо трех шесть целковых, Педрилло дал истопнику еще пощечину и сказал:

– Ну, теперь мы совсем квиты. [92, с. 139.]

Жена Педрилло была нездорова. Ее лечил доктор, спросивший как-то Педрилло:

– Ну что, легче ли жене? Что она сегодня ела?

– Говядину, – отвечал Педрилло.

– С аппетитом? – любопытствовал доктор.

– Нет, с хреном, – простодушно изъяснил шут. [92, с. 140.]

Василий Кириллович Тредиаковский, известный пиит и профессор элоквенции, споря однажды о каком-то ученом предмете, был недоволен возражениями Педрилло и насмешливо спросил его:

– Да знаешь ли, шут, что такое, например, знак вопросительный?

Педрилло, окинув быстрым, выразительным взглядом малорослого и сутуловатого Тредиаковского, отвечал без запинки:

– Знак вопросительный – это маленькая горбатая фигурка, делающая нередко весьма глупые вопросы. [92, с. 140–141.]

Генерал-лейтенант А. И. Тараканов в присутствии Педрилло рассказывал, что во время Крымской кампании 1738 года даже генералы вынуждены были есть лошадей.

Педрилло изъяснил живое сожаление о таком бедствии, и генерал в лестных выражениях благодарил шута за его участие.

– Ошибаетесь, ваше превосходительство, – отвечал Педрилло, – я жалею не вас, а лошадей. [92, с. 147.]

В Одном обществе толковали о привидениях, которых Педрилло отвергал положительно. Но сосед его, какой-то придворный, утверждал, что сам видал дважды при лунном свете человека без головы, который должен быть не что иное, как привидение одного зарезанного старика.

– А я убежден, что этот человек без головы – просто ваша тень, господин гоф-юнкер, – сказал Педрилло. [92, с. 154.]

Когда Педрилло находился еще в Италии, один сосед попросил у него осла. Педрилло уверял его, что отдал осла другому соседу, и сожалел, что просивший не сказал о своей надобности прежде. Пока они разговаривали, Педриллин осел закричал.

– А! – молвил сосед, – твой осел сам говорит, что он дома и что ты лжешь.

– Как же тебе не стыдно, соседушка, верить ослу больше, нежели мне, возразил шут. [92, с. 154.]

Один флорентийский итальянец, обокрав сочинение тамошнего писателя г<осподина> Данта и наполнив собственное сочинение его стихами, читал свое мастерство Педрилло. Шут при каждом украденном стихе снимал колпак и кланялся.

– Что вы делаете, г<осподин> Педрилло? – спросил мнимый автор.

– Кланяюсь старым знакомым, – отвечал Педрилло. [92, с. 155.]

Герцог Бирон для вида имел у себя библиотеку, директором которой назначил он известного глупца.

Педрилло с этих пор называл директора герцогской библиотеки не иначе как евнухом. И когда у Педрилло спрашивали: «С чего взял ты такую кличку?» – то шут отвечал: «Как евнух не в состоянии пользоваться одалисками гарема, так и господин Гольдбах – книгами управляемой им библиотеки Его Светлости». [92, с. 147–148.]

Быв проездом в Риге, Педрилло обедал в трактире и остался недоволен столом, а еще больше – высокой платой за порции. В намерении отомстить за это он при всех спросил толстого немца-трактирщика:

– Скажи-ка, любезный, сколько здесь, в Риге, свиней, не считая тебя?
Взбешенный немец замахнулся на Педрилло.

– Постой, братец, постой! Я виноват, ошибся. Хотел спросить: сколько здесь, в Риге, свиней с тобою! [92, с. 143–144.]

На одном большом обеде против Педрилло сидел один придворный, известный мот, прожордонивший все свое состояние. Слыша чье-то замечание, что придворный этот ничего не кушает, шут возразил: – Что ж тут мудреного? Он уже все свое скушал! [92, с. 144.]

Педрилло, прося герцога Бирона о пенсии за свою долгую службу, приводил в уважение, что ему нечего есть. Бирон назначил шуту пенсию в 200 рублей.

Спустя несколько времени шут опять явился к герцогу с просьбою о пенсии же.

– Как, разве тебе не назначена пенсия?

– Назначена, Ваша Светлость! и благодаря ей я имею что есть. Но теперь мне решительно нечего пить.

Герцог улыбнулся и снова наградил шута. [92, с. 149.]

Поваренок, украв с кухни Педрилло рыбу, уносил ее под фартуком, который был так короток, что рыбий хвост торчал из-под него наружу. Увидев это, Педрилло кликнул вора:

– Эй, малый! Коли вперед вздумаешь красть, то бери рыбу покороче или надевай фартук подлиннее. [92, с. 149.]

Брат жены Педрилло, выдав дочь замуж, просил Педрилло не сухо принять нового родича.

Педрилло выпросил у Густава Бирона часа на два пожарную трубу Измайловского полка и, установив ее как раз против двери, в которую должен был входить новый родич, наполнил заливной рукав водой.

Лишь только гость показался в дверях, Педрилло собственноручно отвернул все клапаны заливного рукава и окатил гостя с головы до ног.

– Скажи же тестю, что я исполнил его желание и принял тебя, как видишь, не сухо. [92, с. 150–151.]

Граф Вратислав, цесарский посол при русском дворе, любил кичиться своими предками. Заметив это, Педрилло сказал ему однажды в присутствии большого общества:

– Тот, кто хвалится только одними предками, уподобляет себя картофелю, которого все лучшее погребено в земле. [92, с. 151.]

Отобедав однажды в соседнем трактире, Педрилло хватился, что с ним нет кошелька, и просил трактирщика обождать уплату до следующего раза. Но трактирщик был неумолим и снял с Педрилло верхнее платье, которое оставил у себя в залог.

Педрилло решил отомстить. В этих видах он, квартируя рядом с трактиром, начал прикармливать трактирную птицу: кур, цыплят, гусей и индеек. И когда птица эта, привыкнув заходить к Педрилло, была вся в сборе у шута, он ощипал с нее все перья и в таком виде отпустил кур, цыплят, гусей и индеек домой. Трактирщик взбесился.

– Я поступил с ними точно так, как ты со мною, – говорил в свое оправдание шут. – Я потребовал с них денег за месячный корм. Они не могли заплатить – и я снял с них верхнее платье. [92, с. 152.]

В Петербурге ожидали солнечного затмения. Педрилло, хорошо знакомый с профессором Крафтом, главным петербургским астрономом, пригласил к себе компанию простаков, которых уверил, что даст им возможность видеть затмение вблизи; между тем велел подать пива и угощал им компанию. Наконец, не сообразив, что время затмения уже прошло, Педрилло сказал:

– Ну, господа, нам ведь пора.

Компания поднялась и отправилась на другой конец Петербурга. Приехали, лезут на башню, с которой следовало наблюдать затмение.

– Куда вы? – заметил им сторож. – Затмение уж давно кончилось.

– Ничего, любезный, – возразил Педрилло, – астроном мне знаком – и все покажет сначала. [92, с. 155–156.]

М. А. Голицын (Квасник, Кульковский)

В одном обществе очень пригоженькая девица сказала Кульковскому:

– Кажется, я вас где-то видела.

– Как же, сударыня! – тотчас отвечал Кульковский. – Я там весьма часто бываю. [92, с. 174,]

До поступления к герцогу <Бирону> Кульковский был очень беден. Однажды ночью забрались к нему воры и начали заниматься приличным званию их мастерством.

Проснувшись от шума и позевывая, Кульковский сказал им, нимало не сердясь:

– Не знаю, братцы, что вы можете найти здесь в потемках, когда я и днем почти ничего не нахожу. [92, с. 174–175.]

– Вы всегда любезны! – сказал Кульковский одной благородной девушке.

– Мне бы приятно было и вам сказать то же, – отвечала она с некоторым сожалением.

– Помилуйте, это вам ничего не стоит! Возьмите только пример с меня – и солгите! – отвечал Кульковский. [92, с. 175.]

Известная герцогиня Бенигна Бирон была весьма обижена ospой и вообще на взгляд не могла назваться красивою, почему, сообразно женскому кокетству, старалась прикрывать свое безобразие белилами и румянами. Однажды, показывая свой портрет Кульковскому, спросила его:

– Есть ли сходство?

– И очень большое, – отвечал Кульковский, – ибо портрет походит на вас более, нежели вы сами.

Такой ответ не понравился герцогине, и по приказанию ее дано было ему 50 палок. [92, с. 176.]

Вскоре после того на куртаге, бывшем у Густава Бирона, находилось много дам, чрезмерно разрумяненных. Придворные, зная случившееся с Кульковским и желая ему посмеяться, спрашивали, которая ему кажется пригожей других. Он отвечал:

– Этого сказать не могу, потому что в живописи я не искусен. [92, с. 176.]

Но когда об одном живописце говорили с сожалением, что он пишет прекрасные портреты, а дети у него очень непригожи, то Кульковский сказал:

– Что же тут удивительного: портреты он делает днем... [92, с. 177.]

Одна престарелая вдова, любя Кульковского, оставила ему после смерти свою богатую деревню. Но молодая племянница этой госпожи начала с ним спор за такой подарок, не по праву ему доставшийся.

– Государь мой! – сказала она ему в суде, – вам досталась эта деревня за очень дешевую цену!

Кульковский отвечал ей:

– Сударыня! Если угодно, я вам ее с удовольствием уступлю за ту же самую цену. [92, с. 177.]

Один подьячий сказал Куликовскому, что соперница его перенесла свое дело в другой приказ.

– Пусть переносит хоть в ад, – отвечал он, – мой поверенный за деньги и туда за ним пойдет! [92, с. 177.]

Профессор элоквенции Василий Кириллович Тредиаковский также показывал свои стихи Кульковскому. Однажды он поймал его во дворце и от скуки предложил прочесть целую песнь из одной «Тилемахиды».

– Которые тебе, Куликовский, из стихов больше нравятся? – спросил он, окончив чтение.

– Те, которых ты еще не читал! – отвечал Кульковский. [92, с. 179.]

Кульковский ухаживал за пригожей и миловидной девицею. Однажды в разговорах сказала она ему, что хочет знать ту особу, которую он более всего любит. Кульковский долго отговаривался и наконец в удовлетворение ее любопытства обещал прислать ей портрет той особы.

Утром получила она от Кульковского сверток с небольшим зеркалом и, поглядевшись, узнала его любовь к ней. [92, с. 180.]

Однажды Бирон спросил Кульковского:

– Что думают обо мне россияне?

– Вас, Ваша Светлость, – отвечал он, – одни считают Богом, другие сатаной и никто – человеком. [92, с. 183.]

Прежний сослуживец Кулькове ко то поручик Гладков, сидя на ассамблее с маркизом де ля Шетардием, хвастался ему о своих успехах в обращении с женщинами. Последний, наскучив его самохвальством, встал и, не говоря ни слова, ушел.

Обиженный поручик Гладков, обращаясь к Кульковскому, сказал:

– Я думал, что господин маркиз не глуп, а выходит, что он рта разинуть не умеет.

– Ну и врешь! – сказал Кульковский. – Я сам видел, как он во время твоих рассказов раз двадцать зевнул. [92, с. 183–184.]

Другой сослуживец Кулькове ко то был офицер по фамилии Гунд, что с немецкого языка по переводу на русский значит собака. Две очень старые старухи перессорились за него и чуть не подрались.

Кульковский сказал при этом:

– Часто мне случалось видеть, что собаки грызутся за кость, но в первый раз вижу, что кости грызутся за собаку. [92, с. 184.]

Пожилая госпожа, будучи в обществе, уверяла, что ей не более сорока лет от роду. Кульковский, хорошо зная, что ей уже за пятьдесят, сказал:

– Можно ей поверить, потому что она больше десяти лет в этом уверяет. [92, с. 184.]

Известный генерал Д. <А. А. фон Девиц> на восьмидесятом году от роду женился на молоденькой и прехорошенькой немке из города Риги. Будучи знаком с Кульковским, писал он к нему из этого города о своей женитьбе, прибавляя при этом:

– Конечно, я уже не могу надеяться иметь наследников.

Кульковский ему отвечал:

– Конечно, не можете надеяться, но всегда должны опасаться, что они будут. [92, с. 185.]

Сан Куль конский часто посещал одну вдову, к которой ходил и один из его приятелей, лишившийся ноги под Очаковым, а потому имевший вместо нее деревяшку.

Когда вдова показалась с плодом, то Кулькове кий сказал приятелю;

– Смотри, братец, ежели ребенок родится с деревяшкою, то я тебе и другую ногу перешибу. [92, с. 185,]

Двух кокеток, между собою поссорившихся, спросил Кульковский: – О чем вы бранитесь?

– О честности, – отвечали они.

– Жаль, что вы взбесились из-за того, чего у вас нет, – сказал он. [92, с. 186.]

Кульковский однажды был на загородной прогулке, в веселой компании молоденьких и красивых девиц. Гуляя полем, они увидали молодого козленка.

– Ах, какой миленький козленок! – закричала одна из девиц. – Посмотрите, Кульковский, у него еще и рогов нет.

– Потому что он еще не женат, – подхватил Кульковский. [92, с. 186.]

Красивая собою и очень веселая девица, разговаривая с Кульковским, между прочим смеялась над многоженством, дозволенным магометанам.

– Они бы, сударыня, конечно, с радостью согласились иметь по одной жене, если бы все женщины были такие, как вы, – сказал ей Кульковский. [92, с. 187.]

При всей красоте своей и миловидности девица эта была очень худощава, поэтому и спрашивали Кульковского: что привязало его к такой сухопарой и разве не мог он найти поплнее?

– Это правда, она худощава, – отвечал он, – но ведь от этого я ближе к ее сердцу и тем короче туда дорога. [92, с. 188.]

Молодая и хорошенькая собою дама на бале у герцога Бирона сказала во время разговоров о дамских нарядах:

– Нынче все стало так дорого, что скоро нам придется ходить нагими.

– Ах, сударыня! – подхватил Кульковский, – это было бы самым лучшим нарядом. [92, с. 186.]

На параде, во время смотра войск, при бывшей тесноте, мошенник, поместившись за Кульковским, отрезал пуговицы с его кафтана. Кульковский, заметив это и улучив время, отрезал у вора ухо.

Вор закричал:

– Мое ухо!

А Кульковский:

– Мои пуговицы!

– На! На! Вот твои пуговицы!

– Вот и твое ухо! [92, с. 190.]

Герцог Бирон послал однажды Кульковского быть вместо себя восприемником от купели сына одного камер-лакея. Кульковский исполнил это в точности, но когда докладывал о том Бирону, то сей, будучи чем-то недоволен, назвал его ослом.

– Не знаю, похож ли я на осла, – сказал Кульковский, – но знаю, что в этом случае я совершенно представлял вашу особу. [92, с. 191.]

В то время когда Кульковский состоял при Бироне, почти все служебные должности, особенно же медицинские, вверялись только иностранцам, весьма часто вовсе не искусным.

Осмеивая этот обычай, Куликовский однажды сказал своему пуделю:

– Неудача нам с тобой, мой Аспид: родись ты только за морем, быть бы тебе у нас коли не архиатером <главным врачом>, то, верно, фельдмедикусом <главный врач при армии в походе>. [92, с. 144.]

Старик Куликовский, уже незадолго до кончины, пришел однажды рано утром к одной из молодых и очень пригожих оперных певиц.

Узнав о приходе Кулькове кого, она поспешила встать с постели, накинуть пеньюар и выйти к нему.

– Вы видите, – сказала она, – для вас встают с постели.

– Да, – отвечал Куликовский вздыхая, – но уже не для меня делают противное. [92, с. 144.]

А. П. Сумароков

На экземпляре старинной книжки: «Честный человек и плут. Переведено с французского. СПб., 1762» записано покойным А. М. Евреиновым следующее:

«Сумароков, сидя в книжной лавке, видит человека, пришедшего покупать эту книгу, и спрашивает: „От кого?“ Тот отвечает, что его господин Афанасий Григорьевич Шишкин послал его купить оную. Сумароков говорит слуге: „Разорви эту книгу и отнеси Честного человека к свату твоего брата Якову Матвеевичу Евреинову, а Плута – своему господину вручи“». [7, стб. 0197.]

Сумароков не только своими литературными нападениями нажил себе много врагов, но он был очень неприятен в обращении, не умея владеть собою. Хотелось ли ему над чем подсмеяться – он не скупился на насмешки, часто самые едкие и злые, даже если в душе не чувствовал ни малейшей злобы. Так, одному Чертову, хлопотавшему для него по какому-то тяжёлому делу, с которым он был в очень хороших отношениях, но фамилия которого вдруг ему показалась очень странною, он так окончил письмо: «С истинным почтением имею честь быть не Вашим покорнейшим слугою, потому что Чертовым слугою быть не намерен, а просто слуга Божий Александр Сумароков». [120, с. 270.]

В 6<-м> номере «Телеграфа» нынешнего года в статье «Биографическая справка» в возражение на слова Д. И. Хвостова, что А. П. Сумароков наследовал от отца орден Св. Анны, сказано: «Думаем, что это неверность, ибо закон о наследовании орденов едва ли у нас существовал когда-нибудь». Хотя в справедливости такого доказательства нет никакого сомнения, будь даже вместо слов «едва ли у нас существовал когда-нибудь» можно было бы решительно поставить: «никогда у нас не существовал», ибо это противно учреждению орденов, награждающих только личные заслуги, однако ж А. П. Сумароков все-таки наследовал после отца название: *amantibus justitiam, piitatem, fidem*⁷

⁷ Любящим справедливость, благочестие, веру (*лат.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.